

Искусство науки

«Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения» — так назвал Григорий Бояджиев, ученый и театральный писатель, свой научный труд, изданный в 1973 году ленинградским отделением издательства «Искусство». Именно научный труд — по обстоятельности, глубине филологического, театроведческого анализа, по объему новой информации, которую получает читатель, даже неплохо вроде бы знакомый с предметом разговора. Энциклопедичны знания автора, точны и исчерпывающие экономические, социальные, нравственные характеристики времени, в контексте которых рассматривается искусство... Но часто ли вам приходилось читать научные работы, которые хотелось бы цитировать, как стихи?

«...Кто хаживал по плитам Тауэра, знает, что здесь гнездятся только мрак, тлен, сырость и могильная тишина. И еле ползают, на короткий миг взлетая, ожиревшие вороны.

Нас повели по узкой и крутой каменной лестнице, тяжело отвалилась дверь кованого железа, и мы оказались в мглистом каменном мешке: каменный пол, такие же стены и потолок; из камня сложен стол и каменное возвышение для ложа; у самого потолка узкое маленькое окошко.

Здесь были задушены двое мальчиков».

Это — в рассказе о шекспировском «Ричарде III». Глотать страницу за страницей, и невозможно понять, где кончается академическое исследование и начинается художественная проза.

И еще: бояджиевские разборы пьес Шекспира, Лопе де Вега — это живой театр. И кресло, в котором вы сидите, склонившись над книгой, становится театральным креслом, и сама книга — почти сценой, на которой живут, борются и гибнут несломленными Ромео и Гамлет. Самая ранняя трагедия Шекспира, повествующая о великой юношеской любви, и творение зрелого гения, познавшего самые мучительные бедствия жизни, — какова внутренняя связь между ними? Оказывается, ее можно объяснить тремя фразами: «Трагическое было заложено в самой сердцевине этого произведения («Ромео и Джульетта»). — К. Щ.). Вспомним слова: «Добра не жду». Они станут пророческими. Юноша из Вероны на миг посмотрит в грядущее глазами датского принца».

Добра не жду... Казалось бы, принц Гамлет знал все о датском королевстве, о вероломстве короля Клавдия —

убийцы отца, и все же очередного коварного плана предусмотреть не смог. В чем дело, почему отказала проницательность «героя-гения», как называет Гамлета Бояджиев? «У гуманности зачастую притуплена бдительность. Не умея строить козни, она судит о врагах своих по себе». И дальше, очень важное: «...распознав коварство, все же идет в неравный бой всегда с открытым забралом».

Быть может, самое увлекательное и самое важное в книге — постижение и объяснение шекспировского оптимизма, мужавшего, крепнувшего тогда, когда идеи Ренессанса переживали жесточайший кризис, когда новое, буржуазное время начинало обнаруживать свои пороки, свою враждебность гармонии и гуманизму раннего Возрождения. Торжествовали заурядность, душевная мелкотравчатость, безнравственная практичность. Полония, его жизненные правила, в которых «нет ничего заведомо порочного или преступного, но они почва для всякого бесчестного и корыстного предприятия». Совершает непоправимое, после чего нельзя жить, прямодушный Отелло: «Неколебимость су-

ждений, ум, живущий в ладу с сердцем, — прекрасный, когда представления о мире находятся в соответствии с реальностью. Если же убеждения остались прежними, а жизнь изменилась, то «цельность натуры» может трагически подвести ее обладателя». Прямота и душевная открытость — не для века полониев, клавдиев, яго. Титаны — Гамлет, Отелло, король Лир — уходили в небытие. Но они уходили не бесследно. «...Гибель героев не становилась гибелью их идеалов; из руин собственной плачевной судьбы лучезарной «фениксом-птицей» возгорались, чтобы сиять во веки веков, идеалы воинственного, мужественного гуманизма, идеалы правды, добра и чести».

Книга Г. Бояджиева, советского писателя и ученого, всей сутью своей, талантливо и страстно противостоит суждениям тех западных теоретиков, которые видят в трагедиях Шекспира торжество амятенных и разрушительных, корежащих человеческую душу начал. В самых мрачных катаклизмах времени, воссозданных великим англичанином, гуманистический идеал оставался неунич-

тоженным, незапятнанным. И именно эта стойкая, выстраданная приверженность гуманистическому идеалу, утверждает Бояджиев, именно она прежде всего делает для нас Шекспира писателем-современником.

...В одном из московских театров Бояджиев делал доклад о драме Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» (доклад этот трансформировался в одну из глав книги): «Вот оно, приволье Овечьего источника, и царит здесь Лауренсия. Мы видим ее девчоночьи с распущенными, летящими на ветру волосами; она, хотя и дочь алькальда, мало чем отличается от других девушек родной деревни. В короткой юбчонке, веселая, бойкая и загорелая, она целыми днями лазает по долинам, плещется в реке...» После выступления Бояджиева решено было ставить «Фуэнте Овехуна», а самого профессора пригласить сопостановщиком: ведь доклад его, помимо прочих достоинств, был, в сущности, развернутым режиссерским планом спектакля. Идея по разным причинам не осуществилась, но плодотворность ее для меня очевидна.

Думается, научным изысканиям профессора Бояджиева еще предстоит сценическая жизнь.

К. ЩЕРБАКОВ.